

АЛЕКСАНДР БОРИСОВ

СПРАВОЧНИК

Александр Борисов

Справочник

«Автор»

2026

Борисов А.

Справочник / А. Борисов — «Автор», 2026

Некоторые вопросы лучше оставлять без ответа. Особенно если ответ может оказаться точным. Ремонтируя недавно купленную квартиру, Сергей находит под старым полом телефонный справочник с обведенным от руки номером. Обычный звонок превращается в странную игру, а случайное любопытство – в попытку понять то, чего человек, возможно, вообще не должен знать о собственной жизни. Чем точнее становятся ответы, тем труднее Сергею остановиться. Потому что однажды любой человек может задать вопрос, после которого прежняя жизнь уже невозможна.

© Борисов А., 2026

© Автор, 2026

Александр Борисов

Справочник

АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ БОРИСОВ

СПРАВОЧНИК

рассказ

Кто-то очень не хотел забыть.

Санкт-Петербург

20 июля 2026 года

СПРАВОЧНИК

За три недели Сергей успел понять: собственная квартира отличается от съемной прежде всего тем, что хозяину не позвонишь. Если течет кран – это твой кран. Если отваливается штукатурка – она отваливается лично тебе. А когда под полом обнаруживается такое количество мусора, будто предыдущие жильцы полвека складывали туда понемногу целую страну, возмущаться и вовсе некому.

Квартира все еще пахла переездом: картоном, старой штукатуркой, пылью из-под плинтусов и чужой жизнью, которая особенно хорошо сохранилась в обоях. Утром было холодно, и Сергей прикрыл форточку перед работой; к обеду сентябрь передумал – день вышел почти летний, солнце нагрело окна, и в зале стояла духота. Вторая половина сентября в Кировском умела за одни сутки перебрать три времени года и ни на одном не остановиться.

Сергей сидел на корточках посреди проходного зала и смотрел в черную щель между двумя досками. Залом называлась комната площадью семнадцать квадратных метров, через которую ходили в маленькую комнату, кухню и прихожую – поставить здесь что-нибудь крупнее табуретки можно было только после переговоров со всеми направлениями движения сразу. Он подцепил доску гвоздодером. Доска не согласилась. Переставил гвоздодер – доска сохранила позицию.

– Отлично.

За последние три недели это слово стало универсальным. «Отлично» означало, что новый смеситель подошел к старым трубам после третьего переходника. «Отлично» означало, что именно в том месте стены, где Сергей собирался сверлить, проходил провод. «Отлично» означало, что ипотечный платеж списался на два дня раньше зарплаты. Доска наконец поднялась с таким звуком, будто все это время держала квартиру целиком и теперь решила снять с себя ответственность. Под ней лежала история страны: окурки, сложенная вчетверо газета, кусок серого картона, старый деревянный коробок из-под спичек, обрывок упаковки со словом «ГОСТ» и пустая бутылка из-под «Пшеничной».

Он поднял ее за горлышко, посмотрел на свет.

– Ну хоть кому-то здесь было хорошо.

Бутылка отправилась к стене, где уже стояли два мешка мусора, коробка с обрезками и перевернутое пластиковое ведро – на нем Сергей иногда сидел, когда спина отказывалась участвовать в ремонте. Под следующей доской нашлась еще одна такая же «Пшеничная», только полная. Стекло помутнело от пыли, этикетка потемнела, но тонкая алюминиевая пробка с язычком оставалась целой; на металле проступали выдавленные цифры. Пол-литра, пробка целая, полная – Сергей отметил это машинально, и только потом разглядел старую этикетку, пыль, возраст вещи. Несколько секунд смотрел на нее с уважением, которое обычно вызывают предметы, пережившие всех, кто мог бы объяснить, зачем они были нужны.

Поставил рядом с пустой.

– Музей закрыт.

И продолжил разбирать пол. Квартиру он купил дешево – если это слово вообще было применимо к сумме, в которую в итоге обошлись продажа машины, несколько лет бесплодных попыток что-то накопить, деньги, занятые у оставшихся друзей, и ипотечный договор. После всего этого Сергей все равно оставался должен банку столько, что хотелось проверить, нельзя ли умереть юридически, а жить продолжить неофициально. Машину было жалко. Старая праворульная Mazda досталась ему еще до всего остального и в последние годы представляла собой сложную систему, в которой любой новый звук требовал сначала сделать музыку громче. Но автомобиль можно было продать. Без него первый взнос не собирался.

В тридцать девять лет иногда приходится принимать взрослые решения. Сергей гордился этим примерно две недели, на третьей начал снимать пол. К своей квартире он шел долго и не по прямой. Когда-то ему казалось, что дом у него уже есть – не собственность, не квадратные метры по выписке, а именно дом: чашка Марины с трещиной у ручки, ее халат на двери ванной, привычка оставлять документы на краю стола, а потом спрашивать, кто их трогал.

Они прожили вместе почти девять лет и все время собирались сделать две вещи: расписаться и родить ребенка. Первая казалась слишком простой, чтобы торопиться. Вторая не получилась. Марина заболела, и простые вещи стали откладываться совсем легко.

В маленькой комнате над односпальной кроватью висели две фотографии: Марина у моря, мать на даче. Сергей повесил их в первый вечер после переезда, почти случайно – рамки оказались сверху в одной из коробок, поставить их в пустой комнате было некуда, а в стене уже торчали два старых шурупа. Рамки были разные и висели чуть неровно; исправить он собирался потом. Своей фотографии рядом не было – присутствия оригинала он считал достаточным.

Когда-то они с Мариной въезжали в другую квартиру. Не в эту – в ту, которая позже перестала быть его. Там было меньше коробок и больше денег, но первые недели выглядели примерно так же: кружки не находились, зарядки исчезали, одежда лежала не там, где ее оставили, а там, куда каким-то образом переселялась сама. В первый вечер они собирали стол. Точнее, Марина читала инструкцию, Сергей собирал.

– Деталь Б, – сказала она.

– У меня нет детали Б.

– Она у тебя в руке.

– Это деталь Г.

Марина подняла лист с инструкцией.

– Ты сейчас споришь с картинкой?

– Я защищаю инженерную мысль.

Через сорок минут стол стоял. Одна ножка была повернута не той стороной. Марина заметила сразу. Сергей предложил считать это индивидуальностью. Ели пиццу прямо на полу, ведь стульев в доме еще не было. Марина сидела, поджав ноги, и смотрела вокруг.

– Вот когда купим нормальный диван, можно жениться.

Сергей поднял коробку с последним куском пиццы.

– Ты мне делаешь предложение?

– Я ставлю техническое условие.

– А если диван окажется плохим?

– Перенесем.

Смеялись. Тогда откладывание казалось не слабостью, а роскошью. Впереди было достаточно времени, чтобы сначала купить диван, после съездить к морю, накопить на свадьбу, дожидаться отпуска и отложить все еще раз – уже по какой-нибудь новой причине. Диван купили. До ЗАГСа не дошли. Теперь в маленькой комнате стояла одна узкая кровать, и Сергей иногда просыпался ночью, вытягивал руку на свободную половину и только тогда вспоминал, что половины нет.

На тумбочке лежала упаковка снотворного. Врач выписал его еще в последней съемной квартире, когда Сергей четвертую неделю подряд спал по два-три часа и однажды уснул в обед над таблицей поставок. Последние месяцы таблетки он принимал редко – старался не превращать сон в еще один процесс со сложной надстройкой. Иногда получалось.

Под очередной доской гвоздодер зацепился за что-то мягкое. Сергей вытащил комок газетной бумаги, следом тонкую книгу. Не книгу.

Справочник.

Старый телефонный. Обложка размокла по краям и высохла снова, один угол съеден чем-то, что давно умерло или переехало в квартиру получше. Он перелистал несколько страниц: фамилии, адреса, телефоны. Сейчас такой предмет выглядел почти неприлично – целый город, аккуратно напечатанный на бумаге. Любой человек. Любой адрес. Любой домашний номер. Никаких паролей, никакого согласия на обработку данных.

Коммунизм.

Он уже собирался бросить справочник к мусору, когда заметил год издания – и остановился. В тот год они с матерью уже жили в Кировском. Открыл букву «Л». Лавровых оказалось семь; на четвертой строчке – их старый адрес, тот самый, где мать жила до сих пор. Сергей узнал его сразу. И номер тоже: когда-то знал этот телефон лучше нынешнего мобильного, мог набрать в темноте – из школы, из автомата возле гаражей, из квартиры друга. Мама снимала трубку и почти всегда сначала говорила «да». Не «алло». Именно «да» – как будто заранее знала, что ей сейчас что-то придется решать.

Он закрыл справочник и тогда заметил номер на обложке: 6-41-08, написанный синей шариковой ручкой, обведенный не один раз – цифры обведены снова и снова, так что бумага под ними продавилась. Сергей провел большим пальцем по борозде. Кто-то очень не хотел забыть. Вот и вся мысль. Он положил справочник на подоконник и вернулся к полу.

Телефон висел на стене в зале с момента покупки квартиры. Черный прямоугольный корпус. Сверху лежала тяжелая изогнутая трубка, своим весом прижимавшая два подпружиненных рычажка. На передней панели находился светлый круглый диск с отверстиями для пальца. Чтобы набрать цифру, нужно было вставить палец в нужное отверстие, протянуть диск до металлического упора, отпустить и дожидаться, пока он сам вернется назад, отщелкивая пройденные деления. От трубки вниз тянулся черный витой шнур. Иными словами, обычный советский настенный телефон с диском. Не меньше, не больше.

Предыдущие хозяева забрали холодильник, стиральную машину, гардины и, судя по состоянию кухни, несколько квадратных метров полезной поверхности, но телефон оставили. Сергей проверил его в первый день. В трубке был гудок. Он попробовал набрать собственный мобильный. Ничего. Набрал еще один современный номер. Тоже ничего. После чего аппарат перешел в категорию вещей, которые проще оставить на стене, чем снимать и заделывать дырки.

К восьми вечера Сергей устал. На улице стало холоднее, чем днем; из открытой форточки тянуло сыростью и выхлопом, и он наконец ее закрыл. Сел на перевернутое ведро возле стены – ниже обычного стула, отчего телефон теперь висел над ним особенно высоко. Он посмотрел на разобранную половину пола, на вторую, к которой еще не прикасался, на справочник, затем на аппарат. Ни одного разумного основания вставить не находилось.

Поэтому он встал. Взял справочник, проверил номер, снял тяжелую трубку. В ней был гудок. Сергей сунул чуть согнутый указательный палец правой руки в отверстие диска – палец после старой травмы до конца не разгибался, но для советской техники, видимо, это считалось допустимым отклонением. Шесть. Протянул до упора. Жик. Отпустил. Тр-р-р. Четыре. Жик-тр-р-р. Один. Жик-тр-р-р. Ноль. Жик-тр-р-р. Восемь. Жик-тр-р-р. Обычных длинных гудков не было – в трубке что-то щелкнуло. Сергей подождал. Еще один щелчок. В глубине линии

началось движение – не голос, не помехи, скорее старая телефонная система где-то далеко приводила в действие то, что давно не должно было работать. Короткий сигнал. Тишина.

– Аллю?

Пауза.

– Аллю, меня слышно?

Еще пауза.

– Аллю?

Сергей уже хотел положить трубку.

– Я уже сколько раз сказал «аллю»?

– Три.

Короткие гудки. Он не сразу повесил трубку: голос исчез, гудки остались. Голос был ровным, чуть металлическим, без возраста и интонации – так когда-то говорили автоматические службы, сообщавшие точное время или междугородний код. Не человек отвечал. Система выдавала положенное. Только никакая система не должна была знать, сколько раз он сказал «аллю». Сергей положил трубку. Щелк. В квартире стало слышно, как на кухне гудит старый холодильник, купленный по объявлению. За окном шины прошли по влажному асфальту. Где-то во дворе хлопнула подъездная дверь. Из-под вскрытого пола пахло сухой пылью и старым деревом.

Сергей постоял. Усмехнулся.

– Очень смешно.

Фраза прозвучала неубедительно. Сергей снова снял трубку. 6-41-08. Жик-тр-р-р. Щелчок. Пауза. Коммутация. Сигнал.

– Кто вы?

В трубке раздался короткий низкий звук – не гудок, скорее ошибка. Разрыв. Он медленно опустил трубку.

– Понятно.

Ничего ему, разумеется, понятно не было. «Кто вы?» не сработало. «Я уже сколько раз сказал «аллю»? – сработало. Сколько. Сергей посмотрел в сторону телефона, перевел взгляд на коробку с саморезами.

– Нет.

Через несколько секунд он уже высыпал часть на ладонь. Сосчитать было слишком просто – ссыпал обратно, взял кружку, отвернулся, зачерпнул саморезы прямо из коробки и, не глядя, поставил на подоконник. Внутри тихо звякнул металл. Накрыл кружку блюдцем.

– Совсем делать нечего.

Это было неправдой: дел было столько, что начинать любое казалось оскорбительным по отношению к остальным. Он вернулся к телефону. 6-41-08. Жик-тр-р-р. Щелчок. Пауза. Коммутация. Сигнал.

– Сколько саморезов я только что высыпал в кружку?

– Двадцать семь.

Короткие гудки. Сергей снял блюдце, высыпал саморезы на подоконник и начал раскладывать по одному. Десять. Еще десять. Семь. Пересчитал второй раз. Двадцать семь. Проверять в третий было уже унижительно. Он снова сел на ведро. За стеной у соседей заработала стиральная машина, низкая вибрация прошла по трубам. Двадцать семь. До того момента, когда Сергей пересчитал саморезы, это было просто количество, случайно оказавшееся в кружке. Телефон назвал его раньше. Первой мыслью было поискать скрытую камеру. Он осмотрел потолок, карниз, розетки. Остановился.

Допустим, камера. Каким образом она сосчитала саморезы в накрытой кружке, если я их не считал? Так было хуже: если у фокуса нет объяснения, нормальный человек ищет другое объяснение, а если другого объяснения нет – прекращает заниматься ерундой и идет ужи-

нать. Сергей сидел. Через минуту поднялся и снова снял трубку. Теперь он знал, что спросит. 6-41-08. Жик-тр-р-р. Щелчок. Пауза. Коммутация. Сигнал.

– Сколько дней я не пью алкоголь?

– Триста тридцать четыре.

Короткие гудки. Он еще несколько секунд не клал трубку. Триста тридцать четыре. Почти одиннадцать месяцев. Он и сам говорил «почти год» – в основном себе. Почти год звучало лучше, чем десять месяцев и сколько-то там дней. Почти год уже можно было считать характером. Десять месяцев все еще напоминали испытательный срок.

Первые месяцы Сергей считал каждый день. Потом перестал открывать счетчик, но время осталось в теле. В супермаркете он знал, к какой кассе идти, чтобы не проходить вдоль алкоголя. На праздники приезжал на машине или заранее придумывал дело на утро. В лифте замечал запах от другого человека раньше, чем лицо. Хорошими были часы – иногда полдня, – когда он вообще не вспоминал.

Когда-то Сергей придумал себе неправильное выражение: «жить об». Грамматика была плохая, зато смысл понятный. Можно жить об работу, об человека, об то, чего больше нет. Последние триста тридцать четыре дня он жил об алкоголь: его не было, но день все равно местами строился по его форме. Для Сергея это и значило, что он справился.

Он достал мобильный. Открыл календарь. Закрыл. Зашел в сообщения и долго листал вниз. Мама.

Последний разговор оказался короче, чем он помнил. Большую часть они тогда сказали друг другу вслух. «Ты где?» Через двадцать минут: «Открой дверь». Позже: «Я заплатила за квартиру». И последнее: «Таблетки на кухне, еда на плите. Поешь». Сергей смотрел на экран. Тот запой был не первым. Мать приезжала и раньше. Менялись квартиры, диваны, люди рядом с Сергеем; менялись и те, кто в конце концов звонил ей: его друг, его начальник, а в последний раз – хозяйка съемной квартиры, которой Сергей несколько дней не платил и перестал отвечать. У Валентины Ивановны был запасной ключ. Такие ключи появились у нее задолго до запоев и бесили Сергея еще тогда, когда он почти не пил. В их семье это считалось не вторжением, а предусмотрительностью. В последний раз мать открыла съемную квартиру и увидела Сергея. Он не помнил половины тех дней, но помнил звук ключа в замке. Первым пришло облегчение – не радость, не благодарность, а короткое падение внутрь: все, теперь его нашли. Потом мать вошла, и облегчение почти сразу стало стыдом. Она убрала пустые бутылки не потому, что любила порядок, а потому, что по ним нельзя было пройти. Связалась с хозяевами, закрыла долг, дождалась, пока Сергей снова начнет понимать человеческую речь. Все это время он ненавидел ее присутствие – и держался за него. Хотел, чтобы за ней наконец закрылась дверь, и боялся этой минуты: вместе с ней из квартиры ушел бы последний человек, который еще знал, что делать.

Когда стало ясно, что самое срочное она уже сделала, Валентина Ивановна будто разом постарела. Не заплакала, не закричала, не стала упрекать. Просто села на кухне, положила руки на стол, и Сергей впервые увидел не мать, которая опять все решает, а женщину, у которой больше нет сил решать за двоих.

Тогда она сказала:

– Я тебя уже не узнаю. Сажу напротив и не понимаю, с кем разговариваю: с тобой или со всем вот этим.

Она показала на бутылки у стены, на мешок, на кухню за его спиной – не зло, устало, будто все это было уже не вокруг Сергея, а вместо него.

– Ты раньше хоть злой был, хоть упрямый, хоть какой. Но ты был. А теперь я прихожу и первым делом проверяю, дышишь ты или нет. Дальше – бутылки, грязь, долги, чужие люди на телефоне. Кому звонить. Кому отдавать деньги. Перед кем за тебя объясняться. И только после всего этого снова напоминаю себе, что ты мой сын.

Стыд уже успел стать злостью. Сергей услышал не страх и не усталость, а обвинение. Захотелось ответить тем же – не объяснить, не защититься, а уколоть туда, где она точно почувствует.

– Тебе не нужен нормальный сын. С нормальным тебе нечего делать. Тебе нужен я вот такой – пьяный, виноватый, чтобы приезжать, вытаскивать и снова быть матерью.

Валентина Ивановна долго смотрела на него. Не так, будто подбирала ответ. Скорее так, будто ответ в ней уже кончился.

– Хорошо, – сказала она.

И это было хуже крика.

Сергей потребовал, чтобы она больше не приезжала. Он говорил это зло, почти с удовольствием, как человек, который наконец нашел виноватого. Валентина Ивановна не спорила. Только собрала сумку, проверила, выключена ли плита, и ушла.

Все следующие триста тридцать четыре дня она не приезжала. Сергей открыл калькулятор. Посчитал. Совпало. Он заблокировал мобильный и несколько секунд держал его в руке. На экране уже ничего не было. Все равно хотелось сказать матери, что она ошиблась. Не всю жизнь. Почти год он справлялся сам. Он не позвонил.

Следующим вопросом Сергей решил проверить что-нибудь, находившееся не в квартире и не только в его памяти. Что-нибудь точное. В прошлом месяце бухгалтерия зачем-то разбила выплату на три части: аванс, остаток и небольшую доплату за замещение сотрудника на больничном. Сколько получилось всего, он не помнил – знал примерно. Снова набрал 6-41-08. Жик-тр-р-р. Щелчок. Пауза. Коммутация. Сигнал.

– Сколько рублей поступило мне от работодателя в прошлом месяце?

– Восемьдесят шесть тысяч семьсот сорок два.

Сергей открыл банковское приложение, нашел три поступления и сложил.

86 742.

Посчитал еще раз. Результат не изменился. Теперь стало по-настоящему интересно. Не страшно. Именно интересно. Где-то между двадцатью семью саморезами и восьмьюдесятью шестью тысячами семьястами сорока двумя рублями случилось кое-что важное: вопрос был уже не в том, можно ли верить телефону, а в том, для чего его можно использовать. Ответ пришел быстро. Деньги. Не потому, что Сергей был особенно жадным – просто любые чудеса в тридцать девять лет довольно быстро упираются в ипотеку. Он набрал номер еще раз.

– Сколько рублей поступит мне от работодателя в этом месяце?

Низкий сигнал ошибки. Разрыв. Сергей подождал, снял трубку снова. Гудок вернулся.

– Вот теперь было бы полезно.

Про прошлый месяц ответил. Про этот не стал. Будущее. Сергей подумал, что это пока единственное объяснение, которое у него есть. Сколько денег он потерял за всю жизнь? Сколько раз ему ввали? Сколько раз соврал он сам? Сколько еще проживет? Он остановился. Нет. Это уже потом.

Сергей вернулся к полу и работал еще минут сорок. Под конец он заметил, что уже второй раз примеряет к лагам одну и ту же доску. Руки продолжали ремонт, а голова была у телефона. К ночи квартира снова стала обычной.

Почти.

Он убрал инструмент и прошел в маленькую комнату. Марина смотрела со стены, щурясь от солнца. Снимал Сергей. В тот день она злилась, что он опять слишком долго держит палец на кнопке.

– Или снимай, или я уйду.

Она не ушла. Сергей почему-то помнил эту секунду лучше многих важных дней. Он лег. Таблетку принимать не стал. Перед сном подумал о двадцати семи саморезах, затем о трехстах тридцати четырех днях, потом о матери. Заснул уже после двух.

Утром, в четверг, будильник прозвенел в семь двадцать. Сергей выключил его. Через девять минут выключил еще раз. Третий сигнал встретил уже сидя на кровати. Некоторое время смотрел в пол. Затем хрипло сказал в пустую комнату:

– Меня слышно?

Никто не ответил. Такая тишина его устроила. Он принял душ, сделал кофе и выпил половину стоя у окна. Утро было холодным. Во дворе прогревали машину. Женщина в длинной куртке тянула за поводок маленькую собаку, которая считала своим долгом обнюхать каждое колесо. Утром квартира выглядела обычной. Даже слишком.

Справочник лежал там же, на подоконнике, обведенным номером вверх: 6-41-08. Сергей сделал вид, что не заметил, прошел мимо, обулся, взял куртку и вышел.

В подъезде пахло чужим завтраком. Сергей спустился на полпролета и остановился. Свет, ключи, телефон – ничего он не забыл. Просто тело развернулось раньше, чем Сергей успел придумать для этого причину.

Вернулся в квартиру, не разуываясь, прошел через зал и перевернул справочник обведенным номером вниз.

Снова вышел, запер дверь и поспешил на работу.

Офисная обыденность действовала успокаивающе. Поставщик не отгрузил заказ, обещанный еще вчера. Другой поднял цену, которую согласился не трогать до конца месяца. Третий прислал счет с ошибкой и через двадцать минут попросил оплатить его срочно. Сергей занимался тем, что умел. Позвонил одному. Написал другому. Третьему объяснил, почему слово «срочно» не исправляет неправильно указанные реквизиты. К одиннадцати утра мир снова приобрел знакомую форму. В нем все было неудобно, но объяснимо. Люди забывали. Врали. Ошибались. Перекладывали ответственность. Не отвечали на письма. Обещали перезвонить.

Телефон на стене в хрущевке к этой системе не относился, и Сергей почти убедил себя не думать о нем до вечера.

Почти.

В половине двенадцатого он открыл таблицу с остатками металла и вместо позиции в третьей строке написал в пустой ячейке: Сколько раз я опаздывал на работу? Посмотрел. Стер. Через десять минут появилось: Сколько людей сейчас обо мне думают? Тоже стер. Вопрос был плохим – слишком расплывчатым. Думают что? Думают как? Да и «сейчас» – это когда именно, непонятно. К обеду у него появился отдельный черновик в заметках мобильного. Сколько ступенек я прошел за жизнь? Сколько чашек кофе выпил? Сколько раз говорил «да»? Сколько денег потерял? Последний вопрос он удалил. Знать ответ он хотел, но заранее понимал: любое число испортит настроение.

В столовой коллега из логистики сел напротив и спросил:

– Ты чего улыбаешься?

Сергей только тогда почувствовал улыбку на лице.

– Личная жизнь.

– Тогда поздравляю.

– Спасибо.

– Красивая?

– Ага. Брюнетка. На стене висит.

Коллега посмотрел на него.

– Я передумал поздравлять.

Сергей рассмеялся. Слишком громко. Тут же понял, что шутка смешна только ему, и занялся котлетой. После обеда работал хуже. Не сильно – ровно настолько, чтобы самому заметить. Дважды перечитал письмо поставщика и все равно пропустил одну цифру. Пришлось исправлять. В обычный день Сергей бы раздражался на себя. Теперь подумал, что телефон

назвал бы правильную сумму сразу. К пяти часам у него было одиннадцать вопросов. Чуть позже он удалил семь. Справочник не был игрушкой.

Эту мысль Сергей сформулировал для себя строго и серьезно по дороге от остановки. Вечер еще держал дневное тепло, но солнце уже садилось, и между домами быстро тянуло холодом.

В квартире стоял прежний ремонтный воздух: старое дерево, картон и штукатурка. Сергей переоделся, поставил разогреваться вчерашнюю гречку и открыл заметки с вопросами, которые прошли его собственный отбор. Начать хотелось с другого, но первым был проверочный.

Снял трубку, 6-41-08. Жик-тр-р-р. Щелчок. Пауза. Коммутация. Сигнал.

– Сколько шагов я сделаю завтра?

Низкий сигнал ошибки. Разрыв. Сергей положил трубку.

– Не любишь завтра. Понимаю.

Это почти нравилось. Ограничение делало происходящее убедительнее: вопрос о завтрашних шагах не прошел, но сама форма вопроса была правильной. Значит, дело было не в шагах. Дело было во времени. Сергей выбрал следующий вопрос. 6-41-08. Жик-тр-р-р. Щелчок. Пауза. Коммутация. Сигнал.

– Сколько человеческих шагов я сделал за всю жизнь?

Пауза.

– Семьдесят восемь миллионов четыреста шесть тысяч сто двенадцать.

Короткие гудки. Сергей медленно опустил трубку. Семьдесят восемь миллионов. Такое число еще можно было произнести, но уже невозможно было представить как часть собственной жизни. Вместо миллионов шагов в памяти возникали отдельные. Один коридор. Один школьный двор. Дорога от дома к остановке. Лестница больницы, по которой они поднимались вдвоем, когда Марина еще могла идти сама и злилась, если Сергей пытался поддержать под локоть.

– Не надо, – говорила она. – Я не стеклянная.

Через полгода она уже не могла дойти до ванной без отдыха. Сергей машинально открыл калькулятор, будто семьдесят восемь миллионов можно было разложить на годы, дни, километры – и тогда число станет понятнее. Несколько секунд смотрел на пустое поле ввода, погасил экран. Проверять было нечего. Никто не помнит собственную жизнь шаг за шагом. Справочник считал подробности его жизни, которые человеческая память даже не пыталась хранить. Точность была безупречной и совершенно бесполезной. Сергей вернулся на кухню, вымыл тарелку. Уже ставя ее в сушилку, вспомнил еще один вопрос. Вопрос был настолько дурацким и настолько его, что Сергей усмехнулся еще до звонка.

6-41-08. Жик-тр-р-р. Щелчок. Пауза. Коммутация. Сигнал.

– Сколько раз в жизни я обещал начать новую жизнь с понедельника?

Низкий сигнал ошибки. Разрыв. Сергей замер.

– Да ладно.

Он уже хотел сформулировать иначе, но остановился. «Новая жизнь» – не количество и не факт. Справочник, видимо, не собирался разбираться в метафорах.

– Бюрократ.

На этот раз ему действительно было весело. Следующий вопрос вышел точнее. Сергей заново прошел весь номер и спросил, сколько раз менял место жительства. Ответ можно было проверить только примерно, но звучал он правдоподобно. После коротких гудков набрал 6-41-08 еще раз – сколько полных суток провел в больницах как пациент. И этот ответ не вызвал возражений. Для следующего вопроса пришлось начинать сначала: сколько раз в жизни он летал на самолете. Здесь Сергей впервые нашел ошибку.

– Двадцать два.

Он был уверен, что двадцать. Взял лист бумаги и начал вспоминать. Москва. Турция. Командировки. Два перелета с Мариной к морю. Обратно. Еще один раз в Казань. Получилось двадцать два. О двух рейсах он просто забыл. Это было уже не смешно и не страшно. Это было хорошо. Сергей поймал себя на том, что ждет момента, когда можно будет задать следующий вопрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.